

Причины краха советского строя

Результаты предварительного анализа

Сергей КАРА-МУРЗА,
политолог,
публицист (Россия)

Уроки поражения – самые ценные. Мы имеем опыт краха советского строя. СССР не устоял против союза внутренних и внешних анти-советских сил, который сложился в 1970-е годы. Обе эти группы сил порознь справиться с советской системой не смогли бы. Так почему СССР рухнул? Почему к концу 1980-х годов его легитимность была подорвана, иссякло активное согласие его защитить, хотя массовое сознание не было анти-советским? Люди желали, чтобы главные условия советского строя были сохранены и развивались, но они желали этого пассивно. И строй был обречен...

Рассмотрим внутренние факторы, которые ослабили СССР. Внешние факторы – отягчающие. Взглянем на катастрофу СССР поверх идеологии и стереотипов. Будем различать советский проект – представление о благой жизни и дороге к ней, и советский строй как воплощение проекта.

Проект был рожден Россией и лежит в русле ее культуры. Его авторы – носители всех цивилизационных проектов, которые столкнулись в начале XX века. Без Столыпина и Кропоткина не было бы Октября 1917 года, без Керенского и Деникина не было бы СССР. Советский строй прожил 70 лет, но в XX веке это несколько исторических эпох.

Советский проект – это ответ на фундаментальные вопросы бытия из Евразии, аналог ответа Запада. Ответ Востока мы еще увидим.

Советский проект не исчерпал себя и не погиб сам собой. Никаких выводов о дефектах проекта из факта его убийства не следует. Да, защитные системы СССР оказались слабы, но из этого нельзя выводить отно-

шение к другим системам советского строя. Нет смысла давать СССР формационный ярлык – это ведет к бесполезным спорам. Есть очевидная вещь: советский строй был жизнеустройством большой сложной страны – со своим типом хозяйства, государства, национального общежития. Мы знаем, как питались люди, чем болели и чего боялись. Сейчас видим, как ломают главные структуры этого строя и каков результат – в простых и жестких понятиях. Эксперимент! Из него надо извлекать знание.

Россия в начале XX века была традиционным (а не гражданским) обществом, хотя и в состоянии быстрой модернизации. Главное выражение ее идентичности – в антропологии, в представлениях о человеке. Отсюда основные ценности, понятия о собственности и хозяйстве, о власти и правах человека. Это предопределило характер русской революции.

Советский проект вызревал долго. Основа – представления общинного крестьянства, изложенные в наказах сельских сходов в кампании 1905–1907 годов. После нее Ленин пересмотрел модель Маркса в отношении России и пошел на разрыв с западным марксизмом. Развилкой была Февральская революция, потом – Гражданская война. Это была война двух революционных проектов: либерально-социалистического (западнического) и советского.

С конца XIX века Россия втягивалась в периферийный капитализм, как говорил Вебер, и попала в историческую ловушку. Монархия пыталась выбраться из нее, но уже не могла. Либералы и меньшевики после Февраля тоже не справились – не получили легитимности. Вырвались только через советскую революцию. Меньшевики и западные социал-демократы считали Октябрь реакционным контрреволюционным переворотом. Его опасность предвидел Маркс. Философским основанием Октября был общинный крестьянский коммунизм

(по Веберу). Но в советский проект пришлось включить марксизм как официальную идеологию: именно он помог соединить крестьянский коммунизм с идеей прогресса, с Просвещением. На этой основе был доработан культурно-исторический тип советского человека и собрана новая полиэтничная нация – советский народ. Индустриализация и культурная революция, Отечественная война и космос, колоссальное строительство 1960–1980-х годов, плоды которого мы доедаем сегодня, – дело рук, разума и совести этого народа и этого культурно-исторического типа.

Дискуссия о сути и категориях советской экономики велась с 1921 года вплоть до смерти Сталина. Первый учебник политэкономии социализма удалось издать лишь в 1954 году. Тогда и была принята политэкономия советского социализма как «квазирыночной» системы – модель, неадекватная реальности. Как только официальной догмой стала трудовая теория стоимости, оказалось, что и в СССР работники производят прибавочную стоимость и являются объектом эксплуатации. Логичным и неизбежным шагом стало «открытие» класса эксплуататоров – номенклатуры. Ложный образ, «будучи принят за реальный, становится реальностью в своих последствиях».

СССР продержался на «невяном» знании поколений, которые практически строили государство и хозяйство, вели войны и восстановление. С уходом этих поколений, которые не оставили формализованного знания («учебников»), ошибочные представления об обществе, полученные в школе, вузе и из СМИ, вели ко все более глубоким срывам и в конце концов способствовали катастрофе.

Советское обществоведение, которое было ближе к натурфилософии, чем к науке, потерпело фиаско. Оно не предвидело системного кризиса конца XX века и даже легитимировало разрушительные действия 90-х годов. Красноречива фраза Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем». Это был сигнал бедствия. В тот момент в СССР было 163 тыс. научных работников в сфере общественной науки. Если они не могли обеспечить знанием, значит, их методологическая база была принципиально неадекватна объекту – советскому обществу и его основным системам. Это первая фундаментальная предпосылка для краха СССР. Сложное общество, утратившее при смене поколений невяное знание о самом себе и не создавшее корпуса формализованного научного знания, идет к катастрофе даже в мирное время.

Вот когорта советских интеллектуалов, которые в 1950-е годы вместе учились на философском факультете МГУ, – Мамардашвили, Зиновьев, Грушин, Щедровицкий, Левада. Теперь о них пишут: «Общим для талантливых молодых философов была смелая цель – вернуться к подлинному Марксу». Вместо изучения реального общества своей страны они вернулись к Марксу, в Англию XIX века. Что же обнаружилось у «подлинного Маркса»? Отрицание «грубого уравнилельного коммунизма» как реакционного выкидыша цивилизации, тупиковой ветви исторического развития. И они сдвинулись к антисоветизму. Те, кто пошли учиться как защитники системы, сначала перешли на позиции враждебного инакомыслия, а потом влились в ряды активных разрушителей.

Кризис легитимности вызревал 30 лет и стал необходимым и достаточным условием, чтобы антисоветские силы завоевали в 1980-е годы культурную гегемонию

ОБ АВТОРЕ

КАРА-МУРЗА Сергей Георгиевич.

Родился в 1939 году в Москве. Окончил химфак МГУ. В 1961–1968 годах – аспирант и сотрудник Института химии природных соединений, Института органической химии АН СССР. С 1968 по 1990 год прошел путь от сотрудника, руководителя отдела до заместителя директора Института истории естествознания и техники АН СССР.

Доктор химических наук (1983), профессор (1988). В 1989–1990 годах работал приглашенным профессором университета Сарагосы (Испания). В 1990–2000 годах – главный научный сотрудник, начальник сектора устойчивого развития аналитического центра Министерства науки и промышленности РФ (ранее АН СССР и РАН). Главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. Член Экспертного совета «Политического журнала». Заведующий отделом комплексных проблем развития науки Российского исследовательского института экономики, политики и права в сфере науки и техники.

Теоретик науки, социолог, политолог и публицист. Член Союза писателей России. Широко известен как автор работ об общественном сознании, истории СССР.

Занимается проблемами системного анализа, в частности, разрабатывает темы «Наука и кризис индустриальной цивилизации», «Россия – традиционное общество – советский проект».

в среде интеллигенции, в том числе партийной. Начиная с 1960-х годов в советском обществе стало нарастать ощущение, что жизнь устроена неправильно. Почему? В 1960–1970-е годы общество изменилось кардинально. За 30 лет произошла быстрая урбанизация, и 70 % населения стало жить в городах. Под новыми параметрами общества скрывалась невидимая опасность – быстрое и резкое ослабление, почти исчезновение прежней мировоззренческой основы советского строя, каковой был общинный крестьянский коммунизм. На Западе иногда добавляли слово «архаический» и говорили, что он был «прикрыт тонкой пленкой европейских идей – марксизмом».

В ходе индустриализации, урбанизации и смены поколений крестьянский коммунизм терял силу и к 1960-м годам исчерпал свой потенциал, хотя важнейшие его положения сохраняются и поныне в коллективном бессознательном. Для консолидации советского общества и сохранения культурной гегемонии требовалось строительство новой идеологической базы, в которой советский проект был бы изложен на рациональном языке, без апелляции к подспудному религиозному чувству. Однако старики из ЦК КПСС этой проблемы не видели, так как в них бессознательный большевизм был еще жив, а новое поколение номенклатуры искало ответ на эту проблему в «истинном марксизме», где СССР был «империей зла». Это вызвало идейный кризис.

Руководство КПСС после метаний Хрущева приняло решение «заморозить» мировоззренческий кризис посредством отступления к «псевдосталинизму» («период Суслова»). Это давало отсрочку, но не могло разрешить противоречия. Передышка не была использована для анализа и модернизации мировоззренческой матрицы. Видимо, в нормальном режиме руководство КПСС уже и не смогло бы справиться с ситуацией – «второй эшелон» партийной интеллигенции был уже проникнут идеями еврокоммунистов.

Чем был легитимирован советский строй в сознании старших поколений? Памятью о массовых социальных страданиях. Аристотель выделял два главных принципа жизнеустройства: минимизация

Михаил Суслов – главный идеолог КПСС и второй человек в партийной иерархии

страданий или максимизация наслаждений. Советский строй создавался исходя из первого принципа.

В 1970-е годы основную активную часть общества стало составлять новое для СССР поколение, во многих смыслах уникальное для всего мира. Это были люди, не только не испытывавшие сами, но даже не видевшие зрелища массовых социальных страданий, – память о них население утратило. Молодежь уже не верила, что такие страдания вообще существуют. Возникло первое в истории, неизвестное по своим свойствам сытое общество. О том, как оно себя поведет, не могли сказать ни опыт стариков, ни общественные науки. Вот урок: главные опасности ждут социализм не в периоды трудностей и нехватки, а именно тогда, когда сытое общество утрачивает память об этих трудностях. Абстрактное знание о них не действует.

Урбанизация создала и объективные предпосылки для недовольства советским жизнеустройством. Оно уже не удовлетворяло некоторых фундаментальных потребностей значительных частей общества. Кто и чем был обездолен в советском проекте?

Проект вытекал из мироощущения крестьянской России. Отсюда – представления о том, что необходимо человеку, что желательно, а что – лишнее, суета сует. В ходе революции, разрухи и войны этот проект стал суровым и зауженным. На какое-то время в обществе возникло «единство в потребностях» и неприязнательность как нормативная ценность. По мере того как жизнь входила в мирную колею и становилась городской, узкий набор «признанных» потребностей стал угнетать все более разнообразные части общества.

Для них Запад стал идеальной сказочной землей, где именно их ущемленные потребности уважаются и ценятся. Дрейф к утопии «Запада» начался в среде интеллигенции.

Он не был понят и даже был усугублен попыткой «стариков» подавить его негодными средствами. А в 1980-е годы этот сдвиг уже шел под давлением идеологической машины КПСС. О тех потребностях, которые

хорошо удовлетворял советский строй, в этот момент никто не вспоминал. Когда ногу жмет ботинок, не думают о том, как хорошо греет пальто.

Эта слабость сознания – оборотная сторона избыточного патернализма. Он ведет к инфантилизации сознания в благополучный период жизни. Люди отучаются ценить блага, созданные усилиями предыдущих поколений, рассматривают эти блага как неуничтожаемые, «данные свыше». Социальные условия воспринимаются как явления природы, как воздух, который не может исчезнуть.

Крестьянская жизнь отличается от «городской» тем, что она религиозна. Пахота и сев, уборка урожая, строительство дома, рождение и смерть – все имеет у крестьянина литургическое значение. Жизнь в городе лишает человека этих духовных образов, создает постоянный стресс. Компенсировать его – жизненная потребность. Как же ответил на потребности нового, городского общества советский строй? Большая часть этих потребностей была объявлена ненужной, а то и порочной. Никак не ответив на реальные потребности молодежи, советский строй создал своего могильщика – массы обездоленных. Беда была даже не в том, что проблему плохо решали – ее игнорировали, а страдающих людей считали симулянтами и подвергали презрению.

К проблеме голода на образы примыкает неосознанное недовольство избыточной надежностью социального уклада. Порождаемая этим скука части населения, особенно молодежи – оборотная сторона важнейшего достоинства советского строя. В СССР все хуже удовлетворялась потребность человека в приключении. У старших поколений с этим не было проблем – и риска, и приключений судьба им предоставила сверх меры. А что оставалось, начиная с 1960-х годов, всей массе молодежи, которая не испытала ни войны, ни разрухи? Среднему человеку жить при развитом советском социализме стало скучно. И никакого выхода из этой скуки в тот момент советский проект не предлагал. Тот социализм, что строили большевики, был эффективен как проект людей, испытавших беду. Это была беда обездоленных и оскорбленных социальных слоев, беда нации, страдающей

Советские диссиденты
А. Сахаров,
В. Некрасов,
В. Войнович,
Е. Боннер. 1974 год

Александр Исаевич
Солженицын.
1970-е годы

от слаборазвитости и внешней угрозы, беда разрушенной войной страны. Но проект не отвечал запросам общества благополучного – общества, уже пережившего и забывшего беду.

Советский социализм принял как догму, что все люди мечтают сделать творческое усилие и будут рады такой возможности. Вот вам наука, спорт, искусство, воспитание детей – идите! Миллионы были счастливы, им «не жал ботинок». А в целом эта догма ошибочна. Основная масса людей не воспользовалась тем, что реально давал советский строй. Не то чтобы ее оттеснили – ее «не загнали» на арену жизни теми угрозами, которые на Западе заставляют человека напрягаться. Если бы советское общество исходило из реалистичной антропологической модели, то за 1950–1960-е годы, в принципе, можно было выработать и новый язык для разговора с грядущим поколением, и новые формы жизнеустройства, отвечающие новым потребностям.

Провал советского проекта в том, что он не создал механизм вовлечения людей в творчество, альтернативный буржуазному, не разъединяющий людей. А значит, сделал неудовлетворенными слишком многих. Советский строй не дал этой страдающей части общества хотя бы того утешения, которое дает Запад, – потребительства и дешевого порока. Именно эти страдалцы были очарованы перестройкой, гласностью и митингами. Очень немногие из них сознательно отвергали главные устои советского строя.

Мировоззренческий кризис порождает кризис легитимности политической системы. Не зная общества, большинство не могло его и защитить. В 1970–1980-е годы это состояние ухудшалось: незнание советских систем (от завода и армии до детского сада) превратилось в непонимание, а затем и во враждебность, дошедшую у части элиты до степени паранойи.

Инерция развития, набранная советским обществом в 1930–1960-е годы, еще два десятилетия тащила страну вперед по накатанному пути. И партийная верхушка питала иллюзию, что она управляет этим процессом. В действительности ее интеллек-

туальные инструменты не позволяли даже увидеть процессы, происходящие в обществе, тем более их понять и овладеть ими.

Важно и то, что учебники исторического материализма, по которым училась интеллигенция с 1960-х годов (как и западная левая интеллигенция), содержали скрытый, но мощный антисоветский потенциал. Люди, которые глубоко вникали в марксизм по этим учебникам, приходили к выводу, что советский строй неправильный. Уже в 1960-е годы самые прогрессивные открыто заявляли, что советский строй – не социализм, а искажение всей концепции Маркса. И это вовсе не означало, что эта часть партийной интеллигенции «потеряла веру в социализм» или совершила предательство идеалов коммунизма. Напротив, критика советского строя велась с позиций марксизма и с искренним убеждением, что она направлена на исправление дефектов советского строя в соответствии с верным учением. Остальная часть интеллигенции, даже чувствуя глубинную ошибочность этой критики, не находила слов и логики, чтобы на нее ответить, – у нее не было другого языка.

В.В. Розанов сказал, что российскую монархию убила русская литература. По аналогии можно сказать, что советский строй убила Академия общественных наук при ЦК КПСС и сеть ее партийных школ.

Кризис мировоззрения был использован и углублен действиями антисоветской части элиты. Советское общество и государство не справились с задачей обновления средств легитимации общественного строя в процессе смены поколений, не смогли обеспечить преемственность в смене культурно-исторического типа, которая происходила в ходе модернизации и урбанизации и совпала с кризисом выхода общества из мобилизационного состояния 1920–1950-х годов.

Более половины XX века, самые трудные периоды, СССР прошел, ведомый культурно-историческим типом «советский человек». Советские школа, армия, культура помогли придать этому культурно-историческому типу ряд исключительных качеств. Общности – антагонисты советского человека были после Гражданской войны подавлены или оттеснены в тень.

Они вышли на арену, когда советский тип стал сдавать позиции и переживать кризис идентичности. Среди них вперед вырвался тип с наибольшей способностью к адаптации – мещанство.

Мещанин – это антипод творчества, прогресса и высокой культуры. Западные советологи уже в 1950-е годы разглядели в мещанстве своего главного союзника в холодной войне. Антисоветский проект сделал ставку на мещанство как массовый культурно-исторический тип. Оно овладело знаками советской лояльности и стало заполнять средние уровни хозяйственного и госаппарата, уже тогда возникли ниши, где негласно стали господствовать его ценности. С 1960-х годов агрессивная аполитичность мещанства стала важным фактором социальной атмосферы. А к 1970-м годам оно сумело добиться культурной гегемонии над большей частью городского населения. Советский тип столкнулся со сплоченным «малым народом», который ненавидел все советское и тех, кто его строил, тянул лямку.

Советский тип сник в 1970–1980-е годы – не смог организовать во время перестройки и был загнан в катакомбы. Но государство не сумело заместить его родственным ему типом, который продолжил бы реализацию советского проекта. Напротив, на арену вывели тип-антипод, что и предопределило резкое ослабление России как цивилизации. Та общность, которая стала господствовать, не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, которые необходимы, чтобы «держат» страну.

Элита интеллигенции, в том числе в КПСС, прошла тот же путь, что и западные левые. Еврокоммунисты, осознав невозможность переноса советского проекта на Запад, совершили историческую ошибку, отвергая советский строй и в самом СССР. Наши интеллектуалы, осознав необходимость преодоления «первого» советского проекта (как дети преодолевают отцов), также в основном заняли антисоветскую позицию.

Всем постсоветским обществам предстает трудная и болезненная рефлексия и поиск новой идентичности в трудных и пока что ухудшающихся условиях. Однако ростки нового проекта уже пробиваются. ▀